

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаем вашему вниманию эссе, которое продолжает важную тему.

Настоящая Украина — какая она?

Слава богу, Евгений Иванов жив и здоров. А перед вами, дорогой читатель, вторая часть его размышлений между жизнью и смертью. Напоминаем, что первая часть — в № 7 за 2017 год.

ЧАСТЬ II.

Дело было закончено, как я считал, дописав «Моя Украина», и «спрятано в стол». Однако по истечении времени внутри меня, подобно хитрому и голодному зверю, зародилось желание продолжить повествование о происходящих событиях начала века двадцать первого и моем к ним отношении, свидетелями коих, помимо своей воли, мне и моим близким представилось быть. И причин тому несколько.

Во-первых, по роду своей деятельности мне приходилось и приходится общаться с людьми разного

эмоционального, интеллектуального и социального уровня.

Во-вторых, то количество информации и грязи — печатной, словесной и иного рода, с которой мы все столкнулись, — не поддается осмыслению. В этом лихом водовороте знаков и смыслов, вложенных в эти знаки, нетрудно потеряться, свернуть с дорожки и заплутать в своих страхах, домыслах и лжи — своей и чужой.

Я надеюсь, что мой читатель — человек образованный и здраво рассуждающий. Читатель, ищущий

сути вещей и желающий понять эту самую суть. Читатель, способный без претензий, но по существу, отделять зерна от плевел. Читатель, способный созидать на ошибках прошлого и никогда их не повторять. Читатель, не упрекающий и не дающий оценок, а думающий, слушающий, слышащий и видящий.

Это не исторический труд и не исследование, а, скорее, небезразличие к своей земле и неприятие абсурдности происходящего. Это мой взгляд и мое отношение к событиям, происходящим в начале двадцать первого века. Возможно, кому-то из тех, кто будет читать этот текст, если Клио его сохранит и время не сотрет в историческую пыль, это будет интересно.

Итак.

Видимо, так устроен homo sapiens, что когда жизнь его хороша, спокойна и благостна, то он, как переспевший плод, начинает портиться, недоумевая, от чего же в жизни его ничего такого яркого и энергичного не происходит. И от скуки и томления духа своего он нет-нет да и причинит порчу себе, тем самым совершив акт членовредительства.

Мысленно возвращаясь к началу тех безумных событий, которые происходили зимой 2014 года в Киеве, я никак не могу понять, что двигало теми людьми, которые совершили акт членовредительства той зимой на площади Независимости, призывая к насилию и хаосу?

Чего же все-таки не хватало жителям тихой и благодатной Малороссии и что заставило их поверить в сюрреалистичное вранье о всеобщем благе народа? Что заставило жизненно мудрых, как мне казалось, малороссов поверить в грязь, кровь, боль и ненависть ради мифического блага?

Я всегда верил в то, что у трудолюбивых, но хитровато-смекалистых малороссов хватит жизненного опыта и генетической памяти и они не позволят втянуть себя в политические авантюры и междоусобные войны. Уж слишком много бед пришлось им натерпеться.

В тридцатые годы двадцатого века, когда голод коснулся не только Украины, но и всего юго-запада Советской России, малороссы, как никто другой, на себе ощутили весь ужас голодной смерти. Фронт прокатился дважды по ее землям.

И мне всегда казалось, что они, как старый и мудрый Рудый Панько в выгоревшей от солнца льняной рубашке, босой, в портках, сидят под вишней возле своей старенькой, выбеленной хатки мазанки-алмазанки. Или, как дед Круча, там, где-нибудь на покосе, или на берегу крутобокого Днепра или застенчивой Десны, или под столетним дубом, который видел еще самого князя Святослава Храброго, в знойный июльский полдень с удочкой в руках, в своем дырявом потрепанном от времени и ветра, но

таком уютном соломенном брыле, неспешно потягивают люльку с ароматным табаком, слушают рассказы о «медовой европейской жизни» заезжего коммивояжера из города Н-ска или из города Парыжу, со всем соглашаются, качая головой, глаз щурят да усмеваются.

И в этой их простецкой улыбке и в загорелых морщинках от прищуренного глаза читается только один ответ: «Говорив Мирон, рябої кобили сон!»

И видимое внешнее «согласие» их, и «одобрение» всего ими услышанного есть не что иное, как свидетельство их внутренней жизненной мудрости, продиктованной житейскими трудностями, обстоятельствами и памятью предков.

Таковыми по сути они, жители МОЕЙ Украины, и остались. Жители Слобожанщины, Полесья, Таврии, Северщины, Полтавщины, Сумщины. Они трудолюбивы и хлебосольны, теплы и добросердечны, веселы и гостеприимны. Но старые языческие боги Доля и Кривда сыграли с ними злую шутку.

С того самого времени, когда Украине бросили кость в виде «независимости» и «свободы» и она подавилась этой костью, был воспитан новый особый тип украинца. Именно украинца, а не малоросса, человека, живущего в приграничье, а не на просторах Полесья и Поднепровья. Тип этот хитрый, продажный, завистливый, обозленный, с комплексом неполноценности. И этому новому украинцу сказали, что он — нация, народ, государство. Он — великий украинец.

М. О. Меньшиков (1859–1918), общественный деятель, публицист, друг Столыпина

«Самые яркие из них отказываются от исторических имен “Россия”, “русские”. Они не признают себя даже малороссами, а сочинили особый национальный титул: “Украина”, “украинцы”».

Оглядываясь на случившееся, я думаю, что житель Галиции, который и явился двигателем переворота, и любой, кто его поддержал, неполноценен и ущербен. Ему все кажется, что его соседи, русские и белорусы, не говоря уже о «цивилизованных» европейцах, на голову, а то и на две выше их.

И именно у них в «исконной и настоящей» Украине сохранился чистейший этнический язык чуть ли не со времен святого Владимира. И там, в Европе, а не здесь, на своей земле, — самая что ни на есть цивилизованная жизнь, традиции, история, культура. В представлении галичан место «великого украинца» — в европейской семье англосаксов, а не в славянской дружбе и единении. И только находясь в случке с Европой, мы сохранимся как нация, и «хутор с садком вишневым коло хати» и «уникальную историю» у нас никто не сможет ни отобрать, ни переписать, ни переиначить.

Альфред Адлер, немецкий психоаналитик. «Комплекс неполноценности и комплекс преуменьшения»

«Комплекс неполноценности (*inferiority complex*) — совокупность психологических и эмоциональных бессознательных ощущений человека, выражающихся в чувстве собственной ущербности, маловажности или неполноценности и иррациональной вере в превосходство окружающих над собой. Комплекс неполноценности возникает вследствие разнообразных причин, таких как дискриминация, душевные травмы, свои собственные ошибки и неудачи. Может проявлять себя в оборонительном или каком-либо компенсирующем это чувство поведении (например, в агрессии). Признаком синдрома может быть желание «маленького человека» максимально воспользоваться властью (или ее видимостью), которая в силу обстоятельств оказалась в его руках, и таким образом самоутвердиться. Может проявлять себя в попытках унижить человека, цеплянии к мелочам и придании нехарактерного веса этим мелочам. Нередко характерны попытки возместить комплекс собственной неполноценности выставленной напоказ ролью жертвы».

Именно Галиция, как бешеная собака, со Львовом, Ивано-Франковском, Стрыем, Тернополем выплеснула на остальную Украину всю ту ненависть и злобу, которую она таила все эти годы после создания и краха Социалистического Союза. Именно на нее был сделан упор в государственном перевороте. Галичане возненавидели все, что касалось негалицкой истории, — памятники, символы, события, имена и подвиги не их героев, «объявив войну» МОЕЙ Украине. Сбылась заветная мечта украинских националистов: карательные отряды УНА-УНСО и последователей идей Бандеры перешли Днепр, чтобы «освободить Украину от москалей, жидов и коммуняк». Их ненавистью движет подсознательный «комплекс неполноценности», ненависти и обиды.

Виталий Скороходов, врач-реаниматолог, журналист. «Психопатология украинского национализма»

«После нескольких веков пребывания в лоне западной цивилизации жители Галичины полностью восприняли все ее установки и стали противниками Русского проекта. В них глубоко укоренилось чувство менишвартности, которое они передали и своим детям и внукам. Потомки сечевых стрельцов и бандеровцев питают свою ненависть ко всему русскому в обидах прошлого. Вместо того чтобы воспитывать детей на лучших моментах украинской истории — совместной борьбе с врагами, построении нового общества, они устраивают пляски на гробах и живут своими поражениями и предательством своих гетманов. Они готовы каждый день вспоминать беды, причиненные им москалями, забывая о том хорошем, что было в истории их края».

Этот комплекс будет взращен в глубине души под влиянием тех исторических неудач и поражений, которые им пришлось вынести. И они посредством государственных институтов прививают этот комплекс МОЕЙ Украине.

МОЯ Украина пережила войны, революции, голод, перестройку. Она все это помнит, знает, не забыла и она, как говорят, *take vestri fabulam*. Поэтому-то она не страдает приступами эпилепсии при виде красного знамени в целом и в день Великой Победы. Потому что МОЯ Украина внутренне самодостаточна и мудра. Жители МОЕЙ Украина знают, что толку все равно никакого не будет и жить лучше они не станут, если все памятники, сохранившиеся с советских времен, свалить, заборы перекрасить, а последнего дурака и пропойцу назвать паном. На все это они глядят с улыбкой Рудого Панька и понимают, что хоть на голове ходи, хоть волком вой, а солнце все равно взойдет на востоке.

МОЯ Украина не испытывает комплекса неполноценности, и поэтому ей не нужно доказывать русским, галичанам, европейцам особенность и самобытность ее языка, ее истории и ее культуры. Ей незачем вставать с колен, потому что она никогда на них не стояла и не чувствовала себя униженной. Ей не нужно добиваться благосклонного расположения и положения в «семье европейских ценностей», потому что ничего ценного, кроме как однополю любви, МОЕЙ Украине, да и вообще нам, славянам, пропахшая дымом костров инквизиции, подкошенная эпидемиями чумы и тифа, Европа дать не может по определению. Она может только взять силой, а не попросить. Просить она не умеет. Крестовые походы и захватнические войны тому прямое свидетельство. У Европы свой подсознательный комплекс неполноценности.

Давайте будем честными и признаем, что у каждой нации есть свои комплексы и страхи, взращенные ими на генетическом уровне. Но нигде больше в мире так не носят на руках и не выпячивают напоказ «сплюндровану, на колінах, понівечену, поругану і заморену» историю свою, все самое худшее и мрачное, упуская из виду сотни великих имен и событий, принесших славу этому краю и земле ее.

Жители МОЕЙ Украины, каждый раз слыша магические заклинания из серии «наш пророк великий Кобзарь», не вздрагивают в экстазе, не рабелепствуют и не пелят в каждом углу вместо икон Шевченко в шапке, и без усов, и в тулупе, и в модном костюме. Они не «сотворяют себе кумира» и не делают из него иконы и пророка. Потому что они помнят из своей истории культ другого «пророка», равно как и помнят то, к чему такие культы приводят. Поэтому-то в МОЕЙ Украине памятники и не сносили для того, чтобы помнили!

Виталий Скороходов, врач-реаниматолог, журналист. «Психопатология украинского национализма»

«На сегодняшний день в Украине сформировалось параноидальное псевдообщество, и чтобы выйти из этого состояния, нужен целый комплекс усилий, начиная от изменения системы образования, реформирования информационного пространства, широкой просветительской работы в СМИ, формирования у людей нормальных нравственных ценностей».

Современная Украина как государство, которое, к сожалению, не состоялось, в агонии ищет тот связующий фундамент, на который могла бы опереться. Ищет свою национальную идею, которая объединит всю страну, от востока до запада и с севера до юга, невзирая на политические, экономические, религиозные и ментально-этнические различия. Ищет и не может найти. Потому что ее нет и быть не может, этой схемы национального сознания, которая определяет смысл существования того или иного народа, нации или этноса, ее историческую миссию.

Я спрашиваю себя: в чем заключается национальная идея Украины? И в чем смысл существования этого народа, особенно в наше время? Куда он идет? И какова его миссия? И что характеризует этот народ на современном этапе его существования?

Может быть, Шевченко — это национальная идея? Или, быть может, идея мифической «великой Украины»?

Я прихожу к выводу, что национальной идеей современной Украины стала ненависть. Ненависть может объединять нацию в борьбе с врагом, но не объединять нацию в принципе. Это путь в никуда.

Одна из попыток объединения нации была направлена на создание мифа о голодоморе исключительно на украинских территориях.

МОИ украинцы знают, что в тридцатых годах двадцатого века голод коснулся не только Украины, но и Саратовской и Пензенской областей, которые составили треть Поволжья. Они не верят в «исключительность» этого страшного события и в избирательность карательной машины. Они знают и помнят, что крестьянские бунты, расстрелы и грабеж были не только на Украине, а планы по сбору хлеба перевыполняли не присланные откуда-то, а местные украинцы, «свидомые», как сейчас говорят, то есть сознательные, преданные партийцы. Сами отбирали хлеб у своих же, чтобы выслужиться. Это еще одна черта менталитета украинца — выслуживание перед паном. Паном может быть кто угодно: чернокожий американец, или русоволосый немец, или картавый европеец, главное, чтобы пан похвалил.

Парадокс заключается в том, что о геноциде украинского народа до хрипоты в горле больше всех кричала и кричит опять-таки Галиция, та территория,

которой голод не коснулся вообще. Как известно, территория Западной Украины была присоединена к «материковой части» только лишь в 1939 году и никак голодать не могла, так как была частью сытой и спокойной Австро-Венгрии.

Определение термина «геноцид» согласно конвенции ООН

«Под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

a) убийство членов группы;

b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;

c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;

d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы».

Почему Япония после ядерных бомбежек Хиросимы и Нагасаки, когда погибло от шестидесяти до ста шестидесяти шести тысяч ни в чем не повинных женщин, детей и стариков, не кричит на весь мир о геноциде японского народа?

Почему русские наравне с евреями и цыганами после окончания Второй мировой войны не кричат о том, что против их народа совершался целенаправленный геноцид?

Почему русины не кричат о геноциде своего народа в начале двадцатого века? Почему поляки вдруг забыли о Волынской резне, о геноциде поляков, проживавших на Западной Украине? Когда по приказу Центрального провода ОУН-Б подразделения УПА в 1943–1944 годах истребляли поляков целыми семьями и даже селам? ПОЧЕМУ?

И только украинцы с каким-то непонятным мне мазохистским упоением уверенно твердят, что только их нацию и никакую другую в мире так не унижали и не уничтожали.

Новая суверенная «история Украины» лжива и иррациональна по своей сути и построена на ненависти.

А. П. Чехов. Из письма к А. С. Суворину (об украинцах), 2 января 1894 года, Мелихово

«Эти упрямые мужики всегда хватаются за великое, потому что не умеют творить малого, и имеют необыкновенные грандиозные претензии, потому что вовсе не имеют литературного вкуса».

А. П. Чехов. Из письма к А. С. Суворину, 18 декабря 1893 года, Москва

«Хохлы упрямый народ; им кажется великолепным все то, что они изрекают, и свои хохлацкие великие истины они ставят так высоко, что жертвуют им

не только художественной правдой, но даже здравым смыслом».

Я спрашиваю себя: неужели в истории ее были только черные страницы и крошечная тьма? Неужели в истории этого края его народ никогда не радовался, как ребенок, солнцу и теплым рукам его матери? И где те светлые и созидательные исторические персонажи, которые прославили свою землю и малую свою Родину?

Почему бы нам просто не знать о том, что все это было в нашей истории и от этого она и не хуже и не лучше, а такая, какая она есть? Почему бы нам, зная все это, не прекратить искать кого-то виноватого за все те неудачи, которые случались с народом, населявшим этот край? Почему бы нам не перестать плевать на свою память? Почему бы нам всем не запомнить одну прописную истину: «История не любит сослагательных наклонений»?

Я спрашиваю себя: почему своих «героев» — Бандеру, Шухевича, Коновальца — галичане навязывают МОЕЙ Украине? Их Бандера, присягнув сперва на верность Рейху, стал уничтожать своих соратников, а потом и простых украинцев, поддержавших советскую власть, когда понял, что никакой незаключности ему не видать и немцы не питают страсти к его идеям.

Почему история МОЕЙ Украины обязательно должна быть мрачна и пессимистична? И откуда в языке МОЕЙ Украины взялись «вишиванки» вместо «вишивáнок», «зрб́лю» вместо «зрблѝю», «ска́жу» вместо «скажу́», «дяка» вместо «дякую» и «халікоптер» вместо «вертоліт»?

Хотя в языке МОЕЙ Украины этого ничего нет. Это есть в языке и истории новой «суверенной и независимой» Украины, в которой нет меня. Равно как и суверенитета ее, одного из признаков государства, тоже нет.

Для тех, кто не знает, уточню, что суверенитет, в переводе с французского, означает независимое от каких-либо внешних сил верховенство государственной власти во внешних и внутренних делах.

Как и тысячу лет назад, когда земля славян лежала в распрях и порядка в ней не было, призвали они варягов, чтобы последние пришли и правили, так и сейчас, расписавшись в своей несостоятельности государствостроителей, украинцы призвали в национальное правительство «варягов» из числа литовцев, грузин, американцев, евреев. Все эти коммивояжеры из стран старого мира сейчас «руководят», а точнее, кукловодят в Украине. Любое национальное правительство, как я полагаю, состоит из национального большинства, потому так и называется. И отстаивает интересы своей страны.

Я спрашиваю себя: какие и чьи национальные интересы может отстаивать такое правительство? Хотя все они, как и ранее, громче всех кричат о патриотизме и приверженности национальной идее.

Хотя в одном права современная Украина — она независима. Независима от самой себя, от своей истории, от своей памяти, от своего народа и от нормальной жизни. День ее Независимости — самый циничный и абсурдный «праздник».

Письмо В. И. Вернадского И. И. Петрункевичу от 14 июня 1927 года

«На Украине украинскими националистами самостоятельными являются евреи, имеющие там огромное значение...»

Особенно сейчас, когда в МОЕЙ Украине хаос и она напоминает сумасшедшего, псевдогосударствостроителя, как никогда, кричат о сильном европейском государстве, основанном на праве закона. Мне хочется спросить у национал-крикунов: «Где это государство и есть ли оно вообще? И было ли оно построено за двадцать четыре года “независимости”?»

В юридическом терминологическом словаре есть четкое определение термина «государство»: «Государство — публичная и легитимно устанавливаемая властная сила общества, действующая в определенных правовых рамках и оказывающая регулирующее воздействие на все сферы жизнедеятельности населения».

Я спрашиваю себя: если территориально страна — это географическая область, с которой связана нация, а нация является субъектом права на политическое самоопределение, то почему государство пресекает даже самую слабую возможность любого из этносов на ее территории на самоопределение, отдавая приказ на уничтожение любого инакомыслящего и цинично нарушая его права?

Я спрашиваю себя: почему «государство Украина» не обеспечивает свободное совместное политическое, экономическое и духовное бытие людей, призывая ненавидеть одних и любить других по языковому, религиозному и территориальному признаку?

Я спрашиваю себя: если сейчас власть совершает произвол и насилие над своим же народом, может ли оно называться государством?

Иван Франко. «Дещо про себе самого», 1897 год

«Не люблю украинцев... Так мало между ними нашел характеров, а так много мелочности, тесной заскоружности, двуличия и гордыни, что действительно не знаю, за что должен я их любить... Может, должен любить Украину как расу, ту расу отяжелевшую, разнузданную, сентиментальную, лишенную закалки и силы воли, так мало способную к политической жизни на собственном мусорнике, такую плодовитую на оборотней самого разнородного сорта...»

А. П. Чехов. Из письма к А. Н. Плещееву, 9 октября 1888 года, Москва

«Украинофильство Линтваревых — это любовь к теплу, к костюму, к языку, к родной земле. Оно симпатично и трогательно. Я же имел в виду тех глубокомысленных идиотов, которые бранят Гоголя за то, что он писал не по-хохлацки, которые, будучи деревянными, бездарными и бледными бездельниками, ничего не имея ни в голове, ни в сердце, тем не менее стараются казаться выше среднего уровня и играть роль, для чего и нацепляют на свои лбы ярлыки».

С момента обретения Украиной так долго вожделенной «независимости» она приобрела и свой национальный гимн.

Опять же, тут стоит пояснить, что в переводе с греческого гимн — это «торжественная песня, восхваляющая и прославляющая кого-либо или что-либо».

Ни для кого не секрет, что современный украинский гимн — это калька с польского. Я спрашиваю себя: почему гимн страны призывает к борьбе и желает смерти врагам, а не восхваляет ее триумфальное существование, заслуги и славные страницы истории ее? И почему этот символ государственности не объединяет нацию в едином порыве его исполнения, а в лучшем случае заставляет шевелить губами некоторых сознательных персонажей в минуты его насильственного прослушивания по утрам и в торжественные моменты?

Я спрашиваю себя: если в гимне Украины отображены национальные символы, то тогда борьба, а за ней и все вытекающие последствия, и есть национальная идея и смысл? Тогда я вынужден повториться, это не МОЯ Украина, не мои смыслы и не мои идеи. От такого гимна пахнет могильной ямой и кликушеством.

Гимны МОЕЙ Украины — это зимние щедривки и рождественские колядки. Это детские колыбельные и купальские песни на льющемся малоросском языке. На языке, который впитал в себя все лучшее, что было на этой земле. В этих старых народных, а не политических мантрах — настоящие смыслы и идеи нации.

Современная Украина — парадоксальная страна. Всеми потугами рвущаяся на Запад и стремящаяся надеть европейское платье, в то же время, при удобном малейшем случае, пялит на себя шаровары с жупанами и галопом с оселедцем мчит к своему «славному» гетманскому прошлому. И прошлым этим она безусловно гордится. Потому как это был более или менее государственный период в ее истории, не считая двадцатого века. И все! Невозможно влить новое вино в старые меха. Как невозможно натянуть европейский костюм, не обрив оселедца на полулысой голове своей и не сняв широких турецких шаровар, втиснуться с большим пузом от галушек в слаженно скроенные

модные европейские панталоны. Мода там нынче не та.

Раз за разом нам твердят, что мы «наследники» запорожских козаков и мы «козацкая страна». Что касается Украины, то как и Россия, вернувшая себе свой исторический флаг, она, как наследница «страны козаков», должна была бы взять флаги козацкой старшины или полков ее, пускай самых выдающихся. Задумайтесь хотя бы на миг: откуда в козацкой стране взялся сине-желтый стяг с трезубом, когда у козаков флаги были малиновые с изображением Богоматери, крестов и полумесяцев?

Современный желто-синий флаг был выдан галицким русинам, австро-венгерским подданным, с подачи некоего австрийского гражданина Стадиона Франца фон Вартгаузена, так сказать, для повышения у них уровня самоидентификации. Но опять-таки, мало кто знает, что подобные флаги без труда можно найти в разных немецких землях, например Нижней Австрии или Герцогстве Брауншвейг.

Я спрашиваю себя: почему флаг народности, которая по сути ничем не прославилась, ничего фундаментального не создала, сделали флагом всей страны, за какие заслуги?

Как он может объединить жителей Слобожанщины, Полтавщины, Черниговщины и Буковины, Волыни, Закарпатья, если все они разные, начиная от языка, цвета национального костюма, менталитета и культуры?

«История Украины», как и сама Украина, оказалась иррациональна по своей сути. Возможно, кому-то, кто прочтет это небольшое повествование, покажется, что оно от начала и до конца пронизано русофильством и ненавистью к независимой Украине. Спешу разуверить!

Мне как человеку, родившемуся в Советском Союзе и видевшему благодатной, доброй и радостной МОЮ Украину, проживающему теперь в «независимой Украине» и наблюдавшему все этапы «становления» этой страны, обидно и больно видеть то, что сделали с моим краем — Малороссией и моей малой родиной — Черниговщиной. И я, естественно, как и любой нормальный и здравомыслящий человек, обращаю свой взор туда, где, как говорят, «восходит солнце».

Ф. М. Достоевский. «Дневник писателя», 1877 год
«Одно совсем особое слово о славянах, которое мне давно хотелось сказать»

...По внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, — не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!

И пусть же не возражают мне, не оспаривают, не кричат на меня, что я преувеличиваю и что я ненавистник славян! Я, напротив, очень люблю славян, но я и защищаться не буду, потому что знаю, что все точно так именно случится, как я говорю, и не по низкому, неблагодарному, будто бы, характеру славян, совсем нет, — у них характер в этом смысле как у всех, — а именно потому, что такие вещи на свете иначе и происходить не могут.

Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают.

Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта, а не вмешайся Европа, так Россия проглотила бы их тотчас же, «имея в виду расширение границ и основание великой Всеславянской империи на порабождении славян жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени».

Может быть, целое столетие, или еще более, они будут непрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбия России; они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против нее. О, я не говорю про отдельные лица: будут такие, которые поймут, что значила, значит и будет значить Россия для них всегда. Но люди эти, особенно вначале, явятся в таком жалком меньшинстве, что будут подвергаться насмешкам, ненависти и даже политическому гонению.

Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия — страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации. У них, конечно, явятся, с самого начала, конституционное управление, парламенты, ответственные министры, ораторы, речи. Их будет это чрезвычайно утешать и восхищать. Они будут в упоении, читая о себе в парижских и в лондонских газетах телеграммы, извещающие весь мир, что после долгой парламентской бури пало наконец министерство в Болгарии и составилось новое из либерального большинства и что какой-нибудь ихний Иван Чифтлик согласился наконец принять портфель президента совета министров.

России надо серьезно приготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся

в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными, и таким образом должны будут пережить целый и длинный период европеизма прежде, чем постигнуть хоть что-нибудь в своем славянском значении и в своем особом славянском призвании в среде человечества.

Между собой эти земли будут вечно ссориться, вечно друг другу завидовать и друг против друга интриговать. Разумеется, в минуту какой-нибудь серьезной беды они все непременно обратятся к России за помощью. Как ни будут они ненавистничать, сплетничать и клеветать на нас Европе, заигрывая с нею и уверяя ее в любви, но чувствовать-то они всегда будут инстинктивно (конечно, в минуту беды, а не раньше), что Европа естественный враг их единству, была им и всегда останется, а что если они существуют на свете, то, конечно, потому, что стоит огромный магнит — Россия, которая, неодолимо притягивая их всех к себе, тем сдерживает их целостность и единство...»

Мне обидно, что народ, населяющий ее, как телка на привязи, ведут на убой — социальный, экономический, политический, человеческий, и он, как мне казалось, мудрый и рассудительный, никогда не поверит лживым и заведомо невыполнимым обещаниям о вселенском благе. Мне обидно, что к власти пришли уголовники, фашисты и те, кто страну и ее народ ненавидит, не любит и уничтожает всеми доступными способами и при этом цинично клянется в самой что ни на есть преданности букве закона, общечеловеческим ценностям, национальным интересам и равноправию граждан, населяющих эту страну. Иначе по-другому я не берусь объяснить все то безумие, которое сейчас происходит.

Сомерсет Моэм. «Лезвие перочинного ножа»

«Очень трудно узнать других людей, и по-настоящему человек может понять только того, кто родился с ним в одной стране.

Человек — это не только он сам, это его дом, в котором он учился ходить, город, в котором он жил, игры, в которые играл, сказки, которые ему рассказывали, еда, которую он ел, школа, в которой учился, вид спорта, которым занимался, поэты, стихи которых читал, и Б-г, в которого верил. Все это сформировало его, все это нельзя услышать и понять, это можно только пережить. Человека можно понять, только если он — это ты сам».

Беда Украины в том, что она находится в Украине, и МОЮ Малороссию, МОЮ Украину нужно спасать от Украины новой «самостийной». В МОЕЙ Украине, к сожалению, МОИХ украинцев осталось очень и очень мало.